

Россія въ 1930-мъ году.

(Посвящаю моимъ друзьямъ петроградскимъ рабочимъ).

Присказка о томъ, чего не было.

Я познакомился съ однимъ удивительнымъ человекомъ. Звали его Сергѣемъ Петровичемъ Вороновымъ. Въ обычное время онъ ничѣмъ ни отличался отъ другихъ людей: работалъ, ѣлъ, пилъ, спалъ и гулялъ, какъ и мы всѣ, но разъ въ году, въ ночь подъ Ивана Купала, онъ могъ увидѣть во снѣ все, что только хотѣлъ. Могъ увидѣть себя царемъ, ученымъ, морякомъ; могъ увидѣть, что живетъ въ Америкѣ или Африкѣ. Если онъ хотѣлъ, то ему спилось, что онъ живетъ при Императорѣ Петрѣ Первомъ или при царѣ Иванѣ Жестокомъ, или же наоборотъ, что онъ—Вороновъ—живетъ въ Россіи, какой она будетъ черезъ 50 или 100 лѣтъ.

Погруженный въ глубокой сонъ, Вороновъ могъ отвѣчать въ эту ночь на вопросы окружающихъ и рассказывать, не просыпаясь, о всемъ, что видитъ во снѣ. Проснувшись, онъ многое забывалъ изъ того, что ему снилось, а дней черезъ пять не могъ уже вспомнить своего сна,

Я уговорился, что приду къ нему въ гости наканунѣ Ивана Купалы, что мы условимся, какой сонъ ему видѣть и что онъ подробно расскажетъ мнѣ свой сонъ.

Сказано—сдѣлано. Хорошо выспавшись днемъ, я пришелъ къ Воронову и мы условились, что онъ захочетъ увидѣть слѣдующій сонъ: онъ—Вороновъ—живетъ въ Россіи

въ 1930-мъ году и читаетъ статью русскаго журнала, который будетъ тогда выходить, но читаетъ ее не про себя, а вслухъ, такъ чтобы я могъ записать все то, что онъ скажетъ.

Безъ 5 минутъ 12 онъ заснулъ и, какъ только часы пробили полночь, спящій Вороновъ заговорилъ:—„Ахъ, какъ кстати! Мнѣ прислали юньскую книжку журнала „Вольная Россія“. Какую статью прочесть тебѣ?“

Онъ прочелъ заглавія статей и я выбралъ изъ нихъ статью, озаглавленную „Англичане и русское крестьянство“.

Все, что прочелъ Вороновъ, я записалъ и печатаю теперь съ небольшими пропусками.

Сказка о томъ, что будетъ.

„Лондонскій отдѣлъ Великобританскаго общества, изучающаго народное хозяйство,—медленно читалъ Вороновъ,—постановилъ въ своемъ засѣданіи отъ 12 Января 1929-го года послать въ Россію двухъ своихъ членовъ для изученія вопроса о томъ, какъ живетъ русское крестьянство.“

Посланные должны были отправиться въ губерніи средней Россіи, такъ какъ лѣтъ 30 тому назадъ въ англійскихъ газетахъ и журналахъ много писали о безнадѣжной бѣдности жителей этихъ губерній и о постоянномъ недоѣданіи тамошняго крестьянства. Въ послѣднее же время газеты заговорили о благосостояніи сельскаго населенія въ средней Россіи и объяснили эту поразительную переѣвну тѣмъ, что въ Россіи произошелъ Великій Бунтъ—соціальная революція.

Великобританское Общество рѣшило провѣрить эти свѣдѣнія.

Уѣхавшіе въ Россію посланники этого общества мистеръ Джонъ Винкель и мистеръ Чарльзъ Браунъ знали русскій языкъ. Оба они имѣли понятіе о бытѣ русскихъ крестьянъ въ 1902—1910 годахъ, такъ какъ проживали въ это время въ Россіи: первый, какъ инженеръ на одной изъ подмосковныхъ фабрикъ, а второй, какъ представитель одного изъ лондонскихъ торговыхъ домовъ.

Оба они не разъ писали о Россіи, а въ послѣднее время читали въ экономическомъ обществѣ доклады о бытѣ русскихъ крестьянъ и рабочихъ въ самомъ началѣ 20-го вѣка. Они не вѣрили газетамъ, говорившимъ о благосостояніи русскаго крестьянства. Эти писатели увѣряли, что всѣ эти рассказы—праздная болтовня газетчиковъ, прикрашивающихъ положеніе дѣлъ для того, чтобы заинтересовать читающую публику и такимъ образомъ способствовать распространенію своихъ газетъ.

Чарльзу Брауну минуло 60, а Джону Винкелю—65 лѣтъ, но оба они были сильными и здоровыми людьми. Оба эти писатели пользовались общимъ уваженіемъ и Великобританское общество по изученію народнаго хозяйства было увѣрено, что они добросовѣстно и умѣло выполнять данное имъ порученіе.

Въ концѣ іюня 1930-го года мистеръ Браунъ и мистеръ Винкель прибыли въ Москву и, повидавшись съ тремя четырьмя старыми знакомыми, выѣхали въ Курскую губернію. Черезъ каждые два мѣсяца они посылали обстоятельные доклады Лондонскому отдѣлу своего общества.

Четыре такихъ доклада только что появились въ печати и мы спѣшимъ познакомить съ ними нашихъ читателей. Доклады подписаны обоими путешественниками и первый докладъ начинается краткимъ рассказомъ о дорогѣ изъ Лондона до Москвы. Далѣе рассказывается объ отъѣздѣ англичанъ въ Курскую губернію и, наконецъ, въ этомъ докладѣ помѣщено описаніе той деревни, въ которую они пріѣхали.

Мы приводимъ первый докладъ почти дословно, выбросивъ только то, что не можетъ интересовать русскаго чита-

теля. Мы выбросили между прочимъ, разговоры о томъ, какъ опасно ѣхать въ страну, не имѣющую никакого правительства и господствующихъ классовъ. Три остальные доклада печатаются нами съ значительными пропусками.

Пріѣздъ въ деревню.

„Учитель села Княжева, которому писали о нашемъ пріѣздѣ и къ которому мы имѣли письма отъ московскихъ знакомыхъ, встрѣтилъ насъ на полустанкѣ желѣзной дороги. До Княжева надо было проѣхать 22 версты на лошадахъ: автомобилей въ этой мѣстности не было.

Учитель подошелъ къ намъ, узнавъ насъ, какъ сообщилъ впоследствии, по платью и, назвавъ себя по фамиліи, познакомилъ насъ съ двумя крестьянами своего села. Это были два пожилыхъ уже человека, одѣтыхъ въ „русскій“ костюмъ: — рубахи, поддевки, широкіе шаровары и высокіе сапоги. Рубахи обоихъ крестьянъ были краснаго цвѣта.

Учитель объяснилъ намъ, что красныя рубахи носятъ лица, принимавшія участіе въ великомъ народномъ возстаніи. Не смотря на наши протесты, они взяли нашъ багажъ и черезъ нѣсколько минутъ мы уже ѣхали съ учителемъ въ тарантасѣ. На козлахъ сидѣлъ старшій изъ крестьянъ; онъ изрѣдка оборачивался къ намъ и вставлялъ въ разговоръ свое слово. Нѣсколько отставъ, ѣхала телѣга съ нашими вещами. Ею правилъ другой встрѣтившій насъ крестьянинъ.

Учитель посоветовалъ намъ остановиться во вѣзжей избѣ, занявъ въ ней двѣ комнаты, а обѣдать пригласилъ къ себѣ. Охотно согласившись на это предложеніе, мы спросили, кому придется передать плату за квартиру, такъ какъ рассчитывали прожить въ Княжевѣ не менѣе двухъ мѣсяцевъ. Къ нашему удивленію учитель отвѣтилъ, что мы можемъ жить, сколько намъ заблагоразсудится, но что никто не возьметъ съ насъ денегъ.

„Большая часть княжескихъ крестьянъ,—сказалъ учитель,—думаютъ, что надо обходиться безъ денегъ. Какъ разъ они то и построили вѣзжую избу. Они будутъ доставлять и принасы къ обѣду. Крестьяне очень рады вашему прїѣзду: разсчитываютъ о многомъ узнать отъ васъ и увѣрены, что никакихъ счетовъ между вами и ими быть не должно. Они смотрятъ на васъ, какъ на полезныхъ для нихъ людей, какъ на учителей и, въ свою очередь рады подѣлиться съ вами всѣмъ, чѣмъ богаты. Вамъ не придется вынимать вашего золота“.

Правившій лошадьми крестьянинъ—его звали Михаилъ Петровичемъ—подтвердилъ слова учителя, котораго звали, къ слову сказать, Семеномъ Алексѣвичемъ Нежданскимъ. Много времени спустя, Михаилъ Петровичъ говорилъ намъ, что, услышавъ наше предложеніе платить деньги онъ обидѣлся за княжесцевъ и часто выговаривалъ имъ, что, благодаря нѣсколькимъ глупцамъ, о княжескихъ крестьянахъ идетъ дурная слава, что иностранцы считаютъ ихъ отсталыми людьми, любящими деньги и не умѣющими устроиться безъ денегъ. Онъ разсказывалъ, что, разговаривая такимъ образомъ, ему удалось убѣдить еще нѣсколькихъ княжесцевъ отказаться отъ пользованія деньгами. Михаилъ Петровичъ почему то не допускалъ и мысли, что я и мистеръ Браунъ не принадлежимъ къ вольнымъ общинникамъ, хотя и зналъ, что въ Англіи идутъ еще разговоры о томъ, какъ надо устроиться.

Дорога была хороша и вовсе не напоминала ужасныхъ дорогъ старой Россіи. Сытые и крѣпкія лошади быстро домчали насъ до Княжева. Во время дороги мы разговаривали очень мало. Наша англійская сдержанность столкнулась со славянской застѣпчивостью:—русскіе не хотѣли, быть можетъ, беспокоить усталыхъ, а главное, не осмотрѣвшихся путешественниковъ, а мы не считали возможнымъ предлагать имъ вопросы, составленные еще въ Лондонѣ нашимъ обществомъ, такъ какъ эти вопросы рѣшено было задавать или на сходѣ, (по примѣру русскихъ статистиковъ, прекрасными

работами которыхъ мы восхищались), или въ присутствіи многихъ лицъ. При такомъ опросѣ мы не рисковали принять случайное мнѣніе за общераспространенные взгляды.

Направо и налѣво отъ дороги тянулись не обозримыя поля хлѣбовъ и другихъ растений. Изрѣдка мы видѣли узкія полоски земли, которыя обычно встрѣчали въ Россіи во время нашего пребыванія въ ней 20—25 лѣтъ тому назадъ. Послѣ нѣсколькихъ такихъ полосъ опять таки далеко тянулось сплошное поле какого либо одного посѣва, потомъ опять нѣсколько полосъ и снова громадное поле. Изгородей мы не замѣтили.

Подъѣзжая къ Княжеву, Михаилъ Петровичъ пустилъ лошадей въ скачъ и, при оглушительномъ лаѣ собакъ всевозможныхъ мастей, при поклонахъ со стороны встрѣчавшихся на улицѣ людей, при поклонахъ, на которые мы усердно отвѣчали, спимая шляпы, тарантасъ подкатилъ къ довольно большому бревенчатому, крытому желѣзомъ зданію, оказавшемуся въѣзжей избой. Нѣсколько ребятишекъ, 3—4 женщины и двое молодыхъ парней встрѣтили насъ у крыльца. Парни помогли внести вещи и мы вошли въ избу.

Изъ сѣней дверь отворялась въ большую горницу. Въ горницѣ стояло нѣсколько большихъ раздвижныхъ столовъ, шкафъ, на полкахъ котораго лежали письменныя принадлежности и нѣсколько книгъ. Стѣны были украшены картинами и портретами разныхъ лицъ. Въ одномъ изъ угловъ помѣщалась высокая конторка, около которой становились, какъ намъ сказали, ораторы, говорившіе рѣчи въ тѣ вечера, когда въ горницѣ собирались крестьяне для обсужденія разныхъ вопросовъ. По стѣнамъ комнаты тянулись широкія лавки и стояло нѣсколько стульевъ.

Изъ большой комнаты шли двери въ двѣ небольшія горницы съ такимъ же убранствомъ, какъ и первая: не было только конторки и въ каждой комнатѣ стояла желѣзная кровать съ грубоватымъ, но чистымъ бѣльемъ, съ одѣялами и подушками.

Въ сѣняхъ имѣлся рукомыльникъ, очень просто устроенный.

Намъ сразу бросилась въ глаза замѣчательная чистота комнатъ, такая чистота, которую мы раньше встрѣчали только у нѣкоторыхъ сектантовъ, а затѣмъ своеобразная красота простой мебели. Въ старое время крестьянская мебель имѣла топорный, неуклюжій видъ и ея было въ горницахъ очень мало.

Мы переоодѣлись, умылись и вошли въ комнату, гдѣ на покрытомъ скатерью столѣ насъ ждалъ уже большой весело кипѣвшій самоваръ. Въ комнатѣ было 5--6 немолодыхъ уже крестьянъ. Учитель познакомилъ насъ съ вновь пришедшими крестьянами и мы всѣ усѣлись за столъ. Нѣсколько чисто одѣтыхъ дѣтишекъ жались у входныхъ дверей комнаты.

Началось чаепитіе, при чемъ ни чая, ни сахара, ни хлѣба собравшіеся не жалѣли. Разговоръ сначала не вязался, но мистеръ Браунъ догадался принести изъ нашихъ комнатъ картинки летающихъ машинъ новыхъ системъ и мы тотчасъ же были засыпаны вопросами, просьбами объяснить тотъ или другой рисунокъ. Ребятишки вплотную приблизились къ столу.

Спѣшимъ выразить нашу благодарность мистеру Джозефу Ричардсону, посовѣтовавшему намъ застаться всевозможными рисунками, изображающими англійскую жизнь вообще, а сельско-хозяйственную жизнь въ частности. Эти рисунки, въ томъ числѣ и рисунки новыхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ, помогли намъ быстро сродниться съ крестьянами.

Часа черезъ два крестьяне разошлись. Мы занялись раскладкой вещей, а позднѣе учитель зашелъ звать насъ обѣдать. За обѣдомъ Семенъ Алексѣевичъ замѣтилъ, что чуть ли не всѣ крестьяне Княжева хотятъ познакомиться съ нами. Они разбились на нѣсколько группъ съ тѣмъ, чтобы побывать у насъ. Такъ какъ днемъ крестьяне занимались разными работами, то они думали посѣщать насъ по вечерамъ. „Кромѣ воскресеній,—прибавилъ учитель,—я объяснилъ крестьянамъ, что въ этотъ день англичане не работаютъ и не принимаютъ гостей“.

Нечего и говорить, что мы были рады повидаться съ возможно большаго числомъ крестьянъ и благодарили учителя за его вниманіе къ намъ. Въ нашихъ предварительныхъ, писанныхъ докладахъ мы рѣшили не описывать каждый вечеръ отдѣльно. Наши устные доклады дополняютъ доклады писанные, а дневники, которые появятся въ печати, день за днемъ описываютъ нашу жизнь въ Княжевѣ и другихъ селеніяхъ. Въ предварительныхъ же докладахъ мы сведемъ въ одно цѣлое то главное, что намъ пришлось видѣть и слышать и начнемъ съ нашего пребыванія въ Княжевѣ, о жизни въ которомъ у насъ осталось самое пріятное воспоминаніе.

Постройки и комнаты.

Изъ оконъ вагоновъ мы видѣли, что внѣшній видъ русскихъ деревень сильно измѣнился: почернѣвшія, покревившіяся избы съ соломенными крышами, какія то разстроенныя сельско-хозяйственныя постройки замѣнились новыми. Въ Княжевѣ мы близко присмотрѣлись къ этой перемѣнѣ.

Крестьянскія избы по прежнему строятся изъ бревенъ, но онѣ значительно больше по величинѣ, чѣмъ прежнія. Каждая изъ нихъ, кромѣ сѣней, имѣетъ, самое меньшее, по двѣ, чаще по три и даже по четыре комнаты. Почти всѣ онѣ крыты желѣзомъ, хотя и не очень толстымъ; только десятая часть крыта тесомъ; соломенные крыши исчезли. Не осталось ни одной курной избы, тогда какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ до-революціонное время, приходилась по словамъ учителя, одна курная изба на 10 избъ, имѣвшихъ печи съ трубами. Исчезли и перѣдкіе прежде земляные полы. Ставни и крыльца, карнизы подъ окнами и надъ окнами, также и подъ крышами были покрыты рѣзбою.

Избы отдѣляются одна отъ другой небольшими садиками. Въ Княжевѣ двѣ большія параллельныя улицы.

Крестьяне объяснили намъ, что, перестраивая ветхія небольшія избы, они переносили часть послѣднихъ на пара

лельную улицу. До перестройки, Княжево состояло изъ одной длинной улицы и нѣсколькихъ переулковъ. За каждой избой находится дворъ и огородъ. Въ рядѣ случаевъ три, а то и пять избъ имѣютъ общій, не разгороженный дворъ. Передъ многими избами имѣется маленькій садикъ-палисадникъ по мѣстному. За огородами помѣщаются бани: онѣ значительно больше старыхъ бань, имѣютъ трубы. Одна баня приходится на 4, на 5 избъ. Ими пользуются по очереди.

Улицы содержатся довольно чисто. По срединѣ улицъ идетъ полоса, мощенная камнемъ. Недалеко отъ села—небольшая старая церковь, а за нею кладбище.

Въ селѣ нѣсколько глубокихъ колодцевъ. Имѣются колодцы и на отдѣльныхъ дворахъ, но водой изъ нихъ пользуются не для питья, а для мытья половъ, иногда для стирки бѣлья.

Сильно измѣнилось и внутреннее убранство комнатъ.

Къ старой мебели, которая состояла обыкновенно изъ одного плохого стола, лавокъ да шкафчика, присоединились новые и лучшіе столы, стулья, шкафы, а, главное, желѣзныя кровати, о которыхъ прежде не было и помина. Крестьяне спали на палатахъ, на лавкахъ, нерѣдко на полу.

Желающіе могли получать мебель изъ общаго склада, о которомъ будетъ сказано ниже. Кроватей не взяли только три старика, по прежнему спавшіе на печкахъ.

На окнахъ появились занавѣски, цвѣты.

Во многихъ избахъ на стѣнахъ висятъ картины, гравюры, нерѣдко изображающія случаи изъ времени возстанія, часто встрѣчаются портреты лицъ, погибшихъ въ борьбѣ за освобожденіе, портреты писателей и ученыхъ.

Во всѣхъ избахъ имѣлись стѣнные часы, кое гдѣ термометры.

У учителя и Михаила Петровича мы съ удовольствіемъ увидѣли портреты Роберта Овена и Гексли, висѣвшіе на видномъ мѣстѣ. Еще съ большимъ удовольствіемъ мы узнали, что эти портреты приобрѣтены ими за нѣсколько лѣтъ до нашего приѣзда. Отмѣчаемъ это; такъ какъ ко дню нашего

отѣзда во многихъ избахъ Княжева появились портреты истинно великихъ людей Англіи.

Мы очень удивились, замѣтивъ, что почти во всѣхъ избахъ, высоко на стѣнахъ, чтобъ не достали малыя дѣти, висѣли ружья, сумки съ патронами и холодное оружіе. Нѣтъ сомнѣнія, что русскіе—это поголовно вооруженный народъ. Если бы новый царь пожелалъ напасть на Россію отпоръ былъ бы ужасенъ и грозенъ.

На другой день, гуляя передъ обѣдомъ, мы увидѣли на краю села три неоконченныхъ еще постройки. Изъ разговора мы узнали, что въ подвозѣ лѣса и камня участвуютъ и жители сосѣдняго села. На нашъ вопросъ, дорого ли они взяли съ княжевцевъ, мы получили отвѣтъ, что они ничего не взяли, но при случаѣ ждутъ такой же услуги отъ жителей Княжева. Правда, этихъ возчиковъ кормили въ Княжевѣ и поили чаемъ, но это не считалось вознагражденіемъ за трудъ. Княжевцы угощали такимъ образомъ всякаго прохожаго и прѣзжаго.

Далѣе выяснилось, что не одно, а ужъ четыре сосѣднія селенія послали въ Княжево своихъ плотниковъ, которые и работали на постройки; что княжевскіе плотники, въ случаѣ надобности, въ свою очередь, пойдутъ работать въ эти селенія, при чемъ никто изъ плотниковъ не получалъ вознагражденія за свой трудъ, но они жили и ѣли въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ работали.

Мы были нѣсколько удивлены всѣмъ слышаннымъ.

За обѣдомъ отъ учителя, а вечеромъ отъ крестьянъ мы услышали, что дома въ Княжевѣ строятъ не отдѣльные крестьяне, а все княжевское общество, которое переслало пильщикамъ и рубщикамъ лѣса хлѣбъ, овощи и разные другіе продукты и получило отъ нихъ бревна и доски. Княжевцы утверждали, что, если бы съ одной стороны бревна и доски, а съ другой княжевскіе продукты были куплены на деньги, то получилось бы, что обѣ стороны обмѣнялись равнымъ количествомъ рублей. Порубщики и пильщики лѣса должны уплатить за княжевскіе продукты 1000 рублей, на-